

www.ptushki.org

Птушкі і Мы

№ 18/2011

разам для птушак і людзей

Дэманстрацыя сілы (першае месца ў фотаконкурсе «Птушка ў аб'ектыве-2010»). Дамовы *Passer domesticus* і палявы *Passer montanus* вераб'і. Фота Мікалая Вераб'я

Фотография живой природы привлекла меня тем, что я получил возможность частично вернуться в свое прошлое и прошлое животного на снимке. Интересно снимать все, но особенно птиц. Так уж сложилось, что моя фамилия заставляет лоббировать интересы воробьев, поэтому они главные объекты моего внимания. Но иногда и воробьи устают позировать, тогда я переключаюсь на другие виды.

Адбор здымкаў у фінальную частку фотаконкурса АПБ «Птушкі ў аб'ектыве-2011» адбываецца раз у два тыдні ў раздзеле «Галерэя» сайта www.birdwatch.by па выніках адзнак зарэгістраваных карыстальнікаў. Рэгіструйцеся, размяшчайце свае здымкі і галасуйце!

Вясновы настрой. Звычайны шпак *Sturnus vulgaris*. Фота Мікалая Вераб'я

Шаноўныя чытачы! На працягу года па розных прычынах я не меў дачынення да ПіМа, які, прызнаюся, ужо стаў для мяне родным, і вось, нарэшце, зноў прыступіў да працы. Вобразна кажучы, я адчуваю сябе чалавекам, які вярнуўся дадому пасля доўгай вандроўкі. Што ж тут адбылося?..

Час не стаіць на месцы – укараняюцца ў жыццё новыя тэхналогіі, яны ж даюць нам магчымасць назіраць за птушкамі ўжо зусім паіншаму, пашыраецца геаграфія вандровак нашых сяброў (карэспандэнты часопіса дабраліся ўжо нават да Індыі), пачаў фарміравацца новы калектыў маладых аўтараў, якія, безумоўна, прынеслі ў выданне новую хвалю ідэй і стыляў.

Мяркую, і сам часопіс за гэты час пачаў вырастаць з каротких штонікаў. Папярэдні нумар – яскравае таму сведчанне. Пераход на поўнакаляровы фармат, які даўно трэба было зрабіць, і які нарэшце адбыўся, – гэта нават не прыемнае ўпрыгожванне выдання, а патрабаванне эпохі. Палепшыўся дызайн, пашырылася тэматыка. Зразумела, што ўсё гэта яшчэ вельмі далёка ад ідэала, але, як кажуць, вектар зададзены верны. Застаецца толькі закатаць рукавы і, карыстаючыся напрацоўкамі калег, рушыць наперад.

А каб і надалей вектар развіцця часопіса быў толькі станоўчы, ад імя рэдакцыі звяртаюся да чытачоў з просьбай дапамагчы нам у гэтым. Вашы пажаданні альбо заўвагі наконт зместу і афармлення часопіса, тэматыкі і якасці здымкаў, канцэптуальных падыходаў вы можаце дасылаць нам на электронны адрас zuyonak@tut.by – усё гэта будзе разглядацца і ўлічвацца рэдакцыйнай калегіяй. Чакаем ад вас і фотаздымкаў, а таксама літаратурных замалёвак, якія б адпавядалі фармату часопіса, лепшыя з іх могуць быць надрукаванымі.

Ну і, нарэшце, з надыходам чарговага лета вас і няхай яно дорыць вам шмат цудоўных імгненняў, праведзеных у назіраннях за любімымі ўсімі намі птушкамі.

Сяргей Зуёнак, адказны рэдактар

Змест

Звычайная зязюля *(Cuculus canorus)*
Фота Дзмітрыя Якубовіча

Галоўны рэдактар: Фянчук Віктар Аляксандравіч
Адказны рэдактар: Зуёнак Сяргей Васільевіч
Рэдакцыйная рада:
Винчевский Александр Евгеньевич
Винчевский Дмитрий Евгеньевич
Зуенок Сергей Васильевич
Китель Денис Александрович
Самусенко Ирина Эдуардовна
Слиж Евгений Александрович
Вёрстка: Зміцер Гупянец
№ 18, 2011 год
наклад 1100 ас.
Рэгістрацыйны №2713 ад 27.06.2008 г.
Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь
Наш адрас:
ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны»,
вул.Макаёнка, 8-313, 220114, Мінск Беларусь
Тэл. (017) 263 01 30, Факс (017) 263 06 13
E-mail: info@ptushki.org
www.ptushki.org

Для карэспандэнцыі
а/с 306, Мінск, 220050, Беларусь

Дзейнасць ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны» падтрымліваецца Каралеўскім Таварыствам Абароны Птушак (RSPB), партнёрам BirdLife International у Вялікабрытаніі.
ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны» з'яўляецца афіцыйным прадстаўніком BirdLife International у Беларусі.
Надрукавана ў друкарні УП «Данарыт».
Ліцэнзія ЛП № 02330/0494183 ад 03.04.2009.
Замова № 13036
Перадрук дазваляецца пры ўмове спасылкі на часопіс «ПТУШКІ І МЫ»

У мінулым нумары была дапушчана памылка з нумарацыяй (Апошні падвоены нумар часопіса павінен быць пранумараваны 1-2 (16-17) 2010), за што рэдакцыя прыносіць свае прабачэнні

КУДА ИСЧЕЗЛИ БЕЛОРУССКИЕ ДУБРАВЫ?

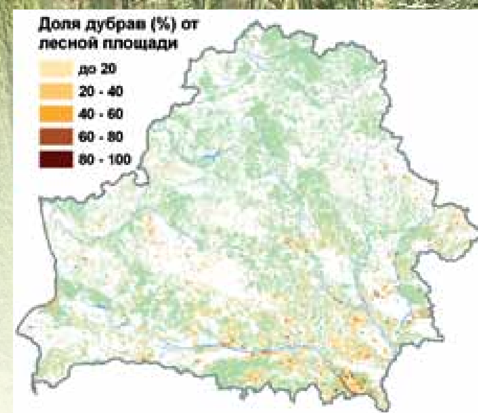
Максим Ермохин, кандидат биологических наук

На протяжении всей истории цивилизации человек интенсивно преобразовывал среду своего обитания. Осушение болот, спрямление рек, массовый выпас скота, распашка почв и вырубка лесов привели к тому, что в некоторых регионах планеты естественные местообитания полностью исчезли. Поэтому нет ничего удивительного в том, что 2011 год объявлен Генеральной ассамблеей ООН международным годом лесов. Без этого исключительно важного элемента биосферы невозможна жизнь на планете.

Дубравы занимают на территории Беларуси очень незначительную площадь – всего около 4% покрытых лесом земель. Сегодня, как и 150 лет назад, когда началось более или менее систематическое изучение растительности на территории Беларуси, наибольшую площадь они занимают на Полесье. Но всегда ли их распространение на нашей территории соответствовало текущему состоянию, ведь участки с дубовыми лесами мы можем встретить по всей стране? Палеоботанические исследования показывают, что в среднем голоцене (7700–2500 лет назад) дубовые леса были более представлены на севере Беларуси, чем на юге. Это же подтверждает и современный почвенный покров. Наиболее благоприятные для произрастания дуба почвы сконцентрированы в центральной, восточной и северо-восточной Беларуси. На Могилевщине они занимают до 40% всех лесных территорий. И если на юге Беларуси площадь почв, благоприятных для произрастания дуба, практически полностью совпадает с площадью дубрав, то на востоке и северо-востоке она в десятки раз больше.

Исчезновение дубрав и широколиственных лесов в целом на территории Беларуси обычно связывают с похолоданием, произошедшим 3–4 тысяч лет назад, после очень теплого атлантического периода. В результате конкурентоспособность дуба понизилась, и он оказался вытеснен елью. Однако и в настоящее время ареал дуба простирается на север до южной Финляндии и на восток до Уральских гор (т.е. Беларусь расположена в его центре). Поэтому говорить о естественном снижении конкурентоспособности дуба в северных и северо-восточных регионах достаточно спорно. В то же время многочисленные данные свидетельствуют о том, что наиболее мощным фактором, преобразующим растительность и животный мир в Европе, в последние несколько тысяч лет выступала все расширяющаяся хозяйственная деятельность человека. Заготовка древесины для строительства и особенно подсечно-огневое земледелие привели к резкому сокращению площади лесов. Причем в первую очередь под поля вырубались широколиственные леса, произрастающие на наиболее богатых почвах.

Развитие подсечно-огневого земледелия в Восточной Европе обычно связывают со славянской культурой, которая к IX веку распространилась на всю территорию современной Беларуси. Таким образом, можно ожидать, что широколиственные леса здесь могли существовать не только 5–7 тысяч лет назад, но и вплоть до IX века, т. е. гораздо дольше, чем на окружающих территориях. Так ли это?

Дуб во все времена у многих народов считался священным деревом, символом долголетия и мощи. Поэтому в местах распространения дубрав нередки названия населенных пунктов с корнем «дуб»: Дуброва, Дубровно, Дубовый Лог и др. Само слово «дуб» древнеславянского происхождения, и поэтому эти населенные пункты могли получить свои названия не раньше V–VII вв. н. э, когда прежде жившие здесь балтские племена были вытеснены или ассимилированы славянами. Об этом свидетельствует и тот факт, что на пограничных с Литвой и Латвией территориях встречаются населенные пункты Ожелишки, Ожуловка, Ожалеи – названия, которые имеют балтийские корни слова дуб – литовского ąžuolas или латышского ozols.

Если рассмотреть распространение населенных пунктов, имеющих в названии корень дуб, по территории современной Беларуси (а их около 280), то наибольшая их концентрация наблюда-

ется на Минской и Оршанской возвышенностях и прилегающих территориях (до 5 на 1000 км^2). В это же время на большей части Полесской низменности она не превышает в среднем 1 на 1000 км^2. Т.е. между плотностью размещения населенных пунктов с корнем дуб в названии и площадью современных дубрав нет никакой связи, а в радиусе 1 км от многих из них дубравы совершенно отсутствуют.

В то же время, между собой тесно увязываются плотность размещения населенных пунктов, имеющих в названии корень дуб, и площадь лесов с наиболее благоприятными для произрастания дуба почвами. Вокруг каждого из рассматриваемых населенных пунктов леса на таких почвах встречаются, однако в настоящее время среди растущих в них деревьев дуб можно встретить очень редко. Т.е. не более чем 1000 лет назад дубравы в этих местах были, но за период примерно с 1000-го по 2000-й год исчезли.

Если обратиться к результатам дендроархеологических исследований европейских ученых, то оказывается, что в постройках, начиная с XIII и вплоть до XVII века, широко встречается, а иногда и преобладает, древесина дуба так называемого «балтийского» происхождения. Т. е. древесина, импортированная из городов, расположенных по побережью Балтийского моря – Риги, Гданьска, Таллина, Кенигсберга – крупных центров, торговавших в те времена древесиной. Например, в Гданьске в XIV в. дубом представлено 80% датированной древесины, а уже в XV – только 15%, и в XVI – 10%. Аналогичную картину показывают и материалы археологических исследований на территории Беларуси. В постройках Витебского городища XII века до 40% образцов древесины представлено дубом, а остальные –сосной и елью, а уже в XV–XVI вв. встречаются только единичные образцы остатков из дуба. В археологических раскопках Полоцка, Витебска, Минска, Бреста, Гродно позднего Средневековья встречается очень незначительное количество дуба.

Наибольшее несоответствие между наличием населенных пунктов, имеющих в названии корень дуб, и дубовых лесов вокруг них наблюдается в центральной, северной и западной частях Беларуси. На западе эти территории лежат в бассейне Немана и Западного Буга, а в центре и на севере – в бассейнах Западной Двины, Вилии и Березины, т. е. рек бассейна Балтийского моря, по которым велась активная торговля с западноевропейскими государствами. Возникает вопрос – а как же древесина из бассейна Березины могла попасть в Балтийское море – ведь ее вода течет в Черное море? В верховьях Березины в Березинском заповеднике есть Березинский канал длиной около 8 км, соединяющий бассейны Черного и Балтийского морей. Канал был построен в начале XIX века. Исторические материалы достоверно свидетельствуют о том, что уже в XVI веке через этот «перешеек» велась транспортировка леса. Плоты вязали на Березине, затем летом поднимали по ней до озера Палик, затем зимой волоком перетаскивали на пристани Эссы, лежащей в бассейне Западной Двины, и через 1,5 года после рубки древесина попадала в Ригу, откуда она могла транспортироваться по всей Европе. Так в общих чертах выглядит судьба и «миграционные пути» дубрав, некогда густо покрывавших территорию Беларуси, но вырубленных нашими далекими и близкими предками.

Восстановление дубрав всегда было приоритетом лесного хозяйства. Однако интенсивное создание лесных культур дуба в северных районах Беларуси встречает на своем пути определенные трудности – повреждение молодых растений поздними весенними заморозками, необходимость проведения частых уходов и прочее. Поэтому для восстановления дубрав в Беларуси учеными разрабатываются целые комплексы специальных мероприятий. Прогнозы в этом плане оптимистичны: в стратегии адаптации лесного хозяйства Беларуси к изменениям климата до 2050 г. предусмотрено увеличение площади дубрав в несколько раз.

Фото Максима Ермохина

Фото Николая Черкаса

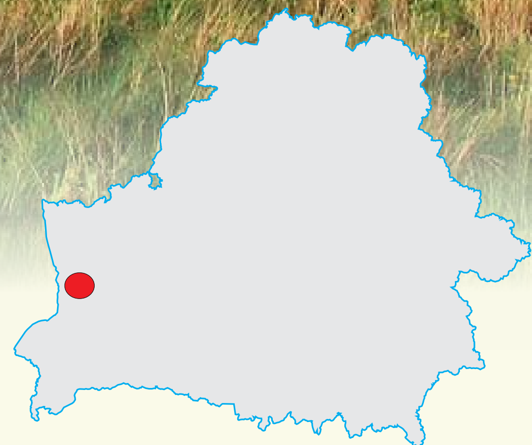
Самае Дзікае ў свеце балота?

Белавежская пушча... Хто ўнёс найбольшы ўклад у яе захаванне? Кіеўскія ці літоўскія князі? Польскія каралі ці рускія цары? Генеральныя сакратары ці генеральныя дырэктары? Прыродаахоўныя законы ці ідэалы мастацкіх твораў? Палітыкі ці пісьменнікі? Навукоўцы ці мастакі? Хто?

Мікалай Чэркас | кандыдат біялагічных навук, АПБ

Балота Дзікое. Фота Эдуарда Монгіна

Калі перавесці гэтую рыторыку са сферы эмацыянальнай у сферу лагічную, прыземленую, то адказ на пастаўленае пытанне на дзіва просты – балоты. Так-так, менавіта балоты Белавежскай пушчы ва ўсе часы, у любыя гістарычныя перыяды былі і застаюцца яе сапраўднымі ахоўнікамі.

Калісьці цудоўныя кара́лі гэтых унікальных прыродных утварэнняў цалкам апраўлялі старажытны рэліктавы лес, агароджваючы яго ад празмернай гаспадарчай актыўнасці людзей. І вынік, як кажуць, наяўны: у цяжкапраходных забалочаных месцах Белавежскай пушчы здолела знайсці прытулак і выжыць нават самае буйное млекакормячае Еўропы – зубр.

Але часы змяняліся. Бульдозеры меліяратараў не мінулі і гэты ўнікальны куток жывой прыроды. Больш за 2000 гектараў забалочаных тэрыторый было асушана непасрэдна ў самой пушчы, акрамя таго – знішчаны ўшчэнт амаль усе прылеглыя да ляснога масіву балоты. Толькі па шчаслівай выпадковасці перажыло гэтую пошасць унікальнае балота Дзікое, якое і па сённяшні дзень працягвае служыць «зыбкім» (у прамым і пераносным сэнсе) гарантам экалагічнага выжывання не меней унікальнага прыроднага ландшафту пад назвай «Белавежская пушча». На нейкім этапе бясконцых шляхоў эвалюцыі менавіта балоты калісьці сталі калыскай пушчы.

Чым жа яно цікавае, балота Дзікое?

Такіх балот, як Дзікое, у свеце толькі чатыры. Яно з'яўляецца адным з найбуйнейшых у Еўропе нізінных балот мезатрофнага тыпу, якія захаваліся ў стане блізкім да натуральнага. Размешчана Дзікое на водападзеле Балтыйскага і Чорнага мораў, чым, у прыватнасці, і вызначаецца яго выключнасць. Дзікое – равеснік егіпецкіх пірамід. Узрост яго перавышае 6 тысяч гадоў. Так што, ужо тады, калі нарадзіўся Ісус Хрыстос, балота Дзікое было ў вельмі шаноўным узросце. Пэўна, таму яно і захавала арэол таямнічасці і каларыт першабытнай дзікай прыроды.

Балота Дзікое – адзін з нешматлікіх прыродных аб'ектаў сучаснасці, вартых уключэння ў спіс Сусветнай спадчыны. На працягу доўгіх часоў свайго існавання яно адрознівалася высокай ступенню біялагічнай разнастайнасці. Напрыклад, сёння спіс насяляючых яго хрыбетных жывёл утрымлівае 28 відаў млекакормячых, 99 відаў птушак, 4 віды рэптылій і 5 відаў амфібій. З іх у Чырвоную кнігу Рэспублікі Беларусь занесена 14 відаў птушак, 2 віды млекакормячых, 13 відаў насякомых і 14 відаў раслін. І што надзвычай важна, на прасторах балота Дзікое сустракаецца воўк, часам заходзіць рысь, а балотныя ўскраіны аблюбаваў цар звяроў – зубр.

Сапраўднай сенсацыяй апошніх гадоў стала з'яўленне ў гэтай мясцовасці (у раёне вёскі Клепачы) бурага мядзведзя. А гэты ж драпежнік быў знішчаны ў Белавежскай пушчы яшчэ ў XIX стагоддзі! На жаль, спробы рэанімаваць папуляцыю гэтага звера ў 1930–1940-ыя гады не ўвянчаліся поспехам. А вось камары, адвечныя назойлівыя спадарожнікі вільготных забалочаных мясцін, адчуваюць тут сябе выдатна...

Балота Дзікое – унікальная

Дубальт *(Gallinago media)*. Фота Васіля Фядосенкі

прыродная тэрыторыя, якая здолела стаць месцам жыхарства для многіх рэдкіх прадстаўнікоў арнітафаўны. Тут знайшлі пастаянны прытулак і пракорм такія птушкі, як вяртлявая чаротаўка і вялікі арлец. Абодва гэтыя віды занесены ў Чырвоную кнігу Беларусі і многіх еўрапейскіх краін.

Так здарылася, што вялікі арлец (як, дарэчы, і яго блізкі сваяк – малы арлец) аказаліся асабліва адчувальнымі да таксінаў, якія ўжываліся ў сельскай гаспадарцы для апрацоўкі пасеваў. Асноўны кампанент гэтых устойлівых і вельмі таксічных ядахімікатаў – фасфід цынку – аказаўся пагібельным для большасці пярнатых жыхароў пушчанскіх балот, у тым ліку і для арляцоў – вялікага і малога. І калі стан папуляцыі малога арляца пакуль што не дае асаблівых падстаў для занепакоенасці, то сітуацыя з вялікім арляцом аказалася значна сур'ёзней. Толькі ў апошні час колькасць гэтага віду пакрысе стабілізавалася. Сёння ў наваколлі Дзікога рэгулярна гняздуецца 2-3 пары вялікага арляца, само ж балота служыць гэтаму рэдкаму віду выдатным паляўнічым угоддзем.

Сапраўднай начной гаспадыняй балотных прастораў з'яўляецца барадатая кугакаўка. Назву сваю гэтая сава атрымала за цёмную афарбоўку кліна пёраў пад дзюбай, так званую «бараду».

Барадатая кугакаўка – адна з самых буйных начных драпежных птушак. Аднак пад яе пышным густым апярэннем хаваецца даволі кволае цела. Пры размаху крылаў больш за паўтара метра самцы кугакаўкі важаць у сярэднім да кілаграма, а самкі – крыху больш. Пухнатае апярэнне забяспечвае птушцы бясшумнасць палёту, нячутнага для ахвяры. Дзякуючы магутным пальцам з выгнутымі і вострымі кіпцюрамі, драпежніца надзейна ўтрымлівае схопленую здабычу. У перыяд выкормлівання птушанят самка барадатай кугакаўкі паводзіць сябе на рэдкасць агрэсіўна, адважна пікіруе на любога, хто парушыў межы яе гнездавой тэрыторыі, будзь то звер альбо чалавек. Практычна ніхто з драпежнікаў не адважваецца паласавацца яйкамі альбо птушанятамі барадатай кугакаўкі.

Балота Дзікое – сапраўднае Эльдарада для раслін. Тут іх налічваецца да 680 відаў – больш за трэць усёй беларускай флоры!

Аб унікальнасці балота хацелася б расказваць усё больш і больш. Але артыкул выглядаў бы няшчырым, калі б не закрануў праблем балота. Пачаліся яны з парушэння гідралагічнага рэжыму. Вучоныя да апошняга баранілі балота ад меліяратараў. З гэтай прычыны апошнія нават зрабілі абводны канал, каб асушаныя прылеглыя тэрыторыі не ўплывалі на Дзікое.

Больш як 10 гадоў таму «Ахова птушак Бацькаўшчыны» (тады яшчэ «Ахова птушак Беларусі») фактычна выкупіла Дзікое плошчай больш за 14 тыс. га для нацыянальнага парка «Белавежская пушча», з надзеяй, што павышэнне статусу адвядзе назаўсёды пагрозу асушэння балота, і можна будзе правесці неабходныя мерапрыемствы па яго кансервацыі. Тым не менш, у сувязі з бясконцымі бюракратычнымі перашкодамі, давесці да канца гэта так і не атрымалася.

З вялікімі намаганнямі з боку АПБ на каналах, якія асушвалі балота, былі пабудаваны плаціны, і супрацоўніцва

Вяртлявая чаротаўка *(Acrocephalus paludicola)*. Фота Сяргея Зуёнка

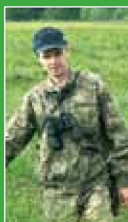
з адміністрацыяй Нацыянальнага парку на гэтым фактычна і скончылася, вядома ж, не па ініцыятыве АПБ...

Зараз балота паціху зарастае. І калі тэрмінова не прыняць ніякіх мер па захаванню Дзікога, яно пяройдзе з нізіннага балота ў іншую стадыю свайго развіцця – пераходнае балота, што прывядзе да знікнення не толькі такога віда як вяртлявая чаротаўка, але і саміх балот – прыродных ахоўнікаў Белавежскай пушчы.

Барадатая кугакаўка *(Strix nebulosa)*. Фота Гянадзя Міндліна

Большой кроншнеп

Эдуард Монгин | кандидат биологических наук

Большой кроншнеп – один из самых крупных куликов, встречающихся в Европе. Характерный облик кроншнепов позволит, пожалуй, даже тому, кто ни разу их не встречал, без труда определить птицу: тонкий изогнутый вниз клюв и длинные ноги сразу же привлекают внимание. Сходным с ним по облику видом, гнездящимся на открытых верховых болотах, является средний кроншнеп. Однако он немного меньше по размеру, и клюв у него короче. К тому же, у среднего кроншнепа, в отличие от большого, через глаз проходит темная полоска, выделяющая светлую бровь. По темени, от клюва к затылку, проходит светлая полоса.

Большой кроншнеп
(Numenius arquata)
Фото Дмитрия Якубовича

Большой кроншнеп – птица немногочисленная у нас на гнездовании и, к тому же, очень осторожная, поэтому не каждому из любителей природы посчастливилось ее наблюдать. Моя первая встреча с этим видом произошла еще в студенческие годы, на практике в Вилейском районе. Крупный кулик бурой окраски с темными пестринами и удивительным длинным изогнутым клювом стоял посередине засеянного тимофеевкой луга, граничащего с колосившимися посевами озимых. Однако не дав полюбоваться собой, птица отлетела от меня на достаточно большое расстояние.

Некоторые последующие встречи с большими кроншнепами запомнились особенно ярко. Так, сначала я и не предполагал, что буду часто посещать Беловежскую пущу. Все же большинство видов куликов гнездится на открытых лугах или болотах, зачастую с высокой плотностью, и мне казалось не очень перспективным уделять внимание столь обширному лесному массиву. Однако стечение обстоятельств привело меня в этот регион. Здесь я стал регулярно проводить учеты куликов на низинном болоте Дикое. Оно раскинулось вдоль восточных окраин Беловежской пущи, и, несмотря на мелиоративные работы в прошлом, все еще сохранило нетронутые уголки. Здесь гнездятся не только большие кроншнепы, но и остатки прежде многочисленной популяции вертлявой камышевки. Впервые я увидел это болото в начале апреля с возвышенности, расположенной у маленького хутора Выброды. Мой однокурсник, работающий в пуще, рассказывал мне раньше об этом болоте, но все же первое впечатление было незабываемым – обширное открытое пространство болота было залито паводком, куртины сухой осоки шелестели на ветру, а вдали белела рощица берез, резко выделяясь на лазурном весеннем небе. Мы с однокурсником решили наметить пробный маршрут, где позже я собирался учитывать гнездящихся куликов. Медленно шагая по неглубокой воде (ведь нужно осторожно ставить ступни на зыбкую сплавину из сплетенных корневищ осоки, сабельника и вахты), я не сразу обратил внимание на знакомые вскрики, переходящие в посвисты. Прислушавшись еще раз, я снова услышал звонкий голос большого кроншнепа, который не смогли заглушить многочисленные бекасы, издающие свои блеющие звуки во время токового полета и пролетающие друг за другом прямо над нашими головами. Все способствовало праздничному настроению: и бекасы, совершающие свои акробатические полеты, и одиноко круживший кроншнеп, и необычно теплый и солнечный для начала весны день. Но, вероятно, для полноты ощущений, весенняя погода преподнесла нам сюрприз. Не успели мы с товарищем пройти по болоту и полутора километров, как неожиданно задул сильный порывистый ветер,

небо затянули тучи и прямо нам в лицо посыпались густые хлопья снега. Нечасто встретишь у нас такие контрасты погоды. Только мы, разнежившись под солнцем, стянули с себя куртки и рубашки (температура в тот день поднялась, наверное, до +18), и пришлось опять спешно натягивать одежду, ежась под ледяными порывами ветра. Мой товарищ предложил возвращаться на ночевку в его дом, расположенный на небольшом хуторе в Беловежской пуще.

В период миграции большие кроншнепы летят небольшими группами или поодиночке. На территории нашей страны мне не доводилось встрчать больших стай кроншнепов. Осенью, в период сброса воды для вылова рыбы на прудах рыбхозов, я несколько раз наблюдал группки больших кроншнепов – не более десятка птиц. Они хорошо выделялись среди многочисленных куличков, кормящихся на грязевых отмелях.

Мои самые недавние встречи с большими кроншнепами произошли при совершенно других обстоятельствах. Последние несколько лет мне посчастливилось принимать участие в работах, направленных на изучение и сохранение дрофы-красотки на территориях Казахстана и Узбекистана. Именно среди пустынь и степей этих стран я встретил своих старых знакомых – больших кроншнепов.

В Казахстане один из наших полевых лагерей располагался недалеко от артезианского колодца. Вокруг раскинулись глинисто-песчаные равнины с остатками древних гор, выглаженных временем и ветрами. Бетпакдала, или голодная степь, – так кочевые племена прозвали эти обширные пустынные районы. Но несмотря на пустынность, после весенних дождей и в этих местах некоторое время сохраняется вода, а кое-где существуют и постоянные озера. Одно из таких озер располагалось километрах в трех от нашего лагеря. Здесь множество куликов и уток нашло себе место отдыха на пути к своим местам гнездования. Внимательно наблюдая в бинокль за суетящимися птицами, я вдруг заметил внушительную стаю больших кроншнепов, кормящихся у воды. После подсчета оказалось, что здесь собралось около 40 птиц. Удивительно было встретить куликов среди пустынных степей Казахстана. Однако кроншнепы могут кормиться не только на берегах водоемов. Другая встреча произошла через год, среди бесплодных песков поблизости озера Балхаш. Стоя на крыше машины, я рассматривал с помощью подзорной трубы пологие песчаные холмы с редкими злаками и одиночными куртинами ковыля. Вдруг мое внимание привлекло какое-то движение вдали. Установив увеличение трубы на максимум, я насчитал около четырех десятков больших кроншнепов, степенно кормившихся среди скудной растительности. Длинными изогнутыми клювами птицы проводили по стеблям трав, напоминая косцов во время заготовки сена.

Теперь, услышав крик кроншнепа, я уже вспоминаю не только болотистые районы Беларуси, но и солнечные пустыни, и степи далеких азиатских республик.

Может возникнуть вопрос – почему большому кроншнепу следует уделять особое внимание, если он так широко распространен? Причина очевидна – большой кроншнеп хоть и занимает обширный ареал, тем не менее, значительно сократил свою численность именно в тех странах, где ранее был особенно многочисленным. Интенсификация сельского хозяйства и изменение землепользования уже привели к более чем десятипроцентному сокращению числа гнездящихся птиц в Великобритании и Финляндии, похожие тенденции происходят и на территории России. Возможно, негативное воздействие на вид оказывает и ухудшение условий на местах зимовок. С течением времени не так уж много нетронутых мест остается пригодными для жизни этих осторожных птиц.

Хочется надеяться, что, несмотря на перечисленные проблемы, развитие экологического воспитания и все те изменения, которые происходят в сознании людей сегодня, позволят сохранить большого кроншнепа для следующих поколений. В нашей стране этому способствует и деятельность АПБ – проекты, направленные на восстановление ранее осушенных болот и сохранение тех, которые еще не успели осушить. Все это дает большому кроншнепу шансы иметь здесь гарантированные «стол и дом».

Большой кроншнеп *(Numenius arquata)*. Фото Сюзанны Джепсен

Скопления на зимовке охраняемого вида летучих мышей Беларуси и Европы – широкоушки европейской *Barbastella barbastellus*

Не только птицы летают

Фото Виктора Демянчика

Мария Демянчик | Рабочая группа АПБ по рукокрылым

Летучие мыши – одна из наиболее представительных групп позвоночных животных. В мировой фауне их насчитывается более тысячи видов. Эти животные единственные среди млекопитающих способны к активному полету, кроме того, для них характерна эхолокация, глубокая спячка и сезонные миграции. Значительное ухудшение состояния популяций летучих мышей в последние десятилетия стало причиной интенсивного исследования и охраны этой группы животных во всех регионах Европы. Все виды европейских летучих мышей были включены в охраняемые списки важнейших природоохранных конвенций, а в 1994 г. под эгидой Боннской конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных было даже заключено Соглашение по сохранению популяций летучих мышей Европы EUROBATS, участником которого наша страна пока не является.

Около половины видов зверей, включенных в Красную книгу Беларуси, составляют именно рукокрылые (6 видов). В Брестской области установлено обитание всех 17 видов летучих мышей, отмеченных в Беларуси за всю историю исследований. В зимний периоды корм для этих зверьков становится недоступным, и они вынуждены совершать сезонные миграции или искать зимние убежища, в которых впадают в состояние зимней спячки, или гибернации. Зимуют летучие мыши в массовых скоплениях обычно в пещерах в более южных районах Европы. Известно несколько пещер, где на зиму скапливается до 10 тысяч и даже более зверьков.

В Беларуси пещер нет, и долгое время для массовых зимовок летучих мышей попросту не было подходящих условий. Зверьки по 1–3 особи обычно рассеянно зимовали в разных случайных убежищах: погребах, деревянных колодцах, дуплах старых деревьев и т.д. Ситуация поменялась, когда в годы перестройки места дислокации многих воинских частей опустели. Этот процесс разоружения коснулся и некоторых старых фортификаций Брестской крепости. На территории Брестского района имеются фортификационные сооружения времен Первой мировой войны, которые и стали излюбленными местами зимовок для летучих мышей.

В 2001 г. в одном из таких сооружений был создан биологический заказник местного значения «Барбастелла» для сохранения и увеличения численности на зимовке целого ряда рукокрылых, в том числе и видов, включенных в Красную книгу Беларуси: широкоушки европейской, ночницы реснитчатой и прудовой, кожанка северного. По богатству видового состава, плотности зимующих зверьков, а также по численности повсеместно в Европе охраняемого вида – широкоушки европейской (*Barbastella barbastella*) – данная зимовка является уникальной в Восточной Европе. В честь широкоушки заказник и получил свое название.

Заказник «Барбастелла» расположен на северо-западе Бреста в пойме реки Западный Буг и занимает площадь около 5 га. Форт представляет собой два крупных двухуровневых подземных каземата, стены и своды которых выстроены из кирпича и армированного бетона. По внешней периферии казематы укрыты грунтом, а их внутренние дворики хорошо защищены.

В мирное время помещение форта использовалось в основном в качестве интендантских складов польской и советской армиями. После ухода военных внутри казематов сформировался особый «пещерный»

микроклимат (температура воздуха зимой 0...+5°C, влажность воздуха от 60 % и выше), благоприятный для зимовки большинства наших рукокрылых. Встречается здесь и экзотика, например, пышные «подушки» шахтного гриба. И с 1997 г. помещения казематов стали использоваться рукокрылыми для зимовки. Зимующая группировка европейской широкоушки насчитывает более трех тысяч особей и является крупнейшей в Европе, к тому же находится у самого восточного края ареала этого теплолюбивого вида летучих мышей.

У широкоушки европейской выявлена интересная особенность. Зверьки никогда не спят зимой непрерывно и регулярно перелетают из одного зимовального помещения в другое. При этом они нередко кормятся двукрылыми, которых собирают на стенах и потолочных перекрытиях. При наступлении резкого похолодания зверьки сбиваются в плотные гроздья, тесно прижавшись друг к дружке. В таких гроздьях иногда насчитывается до 100 и более зверьков, закрепившихся на стенке или потолке. Бывают случаи, когда часть грозди может оторваться от стены и падает на бетонный пол. При падении на пол летучие мыши издают писк и потом минут десять не могут взлететь, пока не разогреются. Ведь во время спячки у них снижается температура тела, замедляются сердцебиение и дыхание. Если в это время в помещение забежит ласка, каменная куница, крыса, кошка или другой хищник, то рукокрылые становятся их легкой добычей. Хищники, видимо, знают эту особенность и периодически наведывают казематы как столовую.

Еще хуже, если форты посещают люди, которые по недомыслию считают, что летучие мыши – это вредные животные, что они сродни вампирам, и их нужно уничтожать. Расправа над летучими мышами напоминает времена инквизиции с кострами и факелами. Бывали случаи, когда от рук варваров погибало более половины зимующих зверьков. А для восстановления численности той же широкоушки нужен не один год, учитывая, что большинство видов рожает по одному детенышу, да и погода во время родов и выкармливания детенышей должна быть благоприятной. Засуха или обильные дожди в этот период приводят к бескормице, а значит, и к гибели молодняка.

Массовая зимовка в «Барбастелле» сформировалась благодаря счастливому стечению обстоятельств и является объектом природного наследия страны. Вместе с тем, без принятия дополнительных специальных мер охраны данная зимовка может быть обречена на вымирание из-за возрастающего антропогенного воздействия.

На этом сравнительно небольшом участке заказника кроме летучих мышей выявлено: 31 вид млекопитающих, 112 видов птиц, 2 вида рептилий, 8 видов амфибий. В казематах в зимний период находит себе убежище и самый крупный в Европе безраковинный моллюск – черный лесной слизень.

Заказник представляет собой в целом тихий живописный уголок, в котором, тем не менее, не всегда бывает спокойно. Кроме вандалов, размеренную жизнь животных в заказнике нарушают земляные работы, вырубка деревьев, массовая свалка мусора, палы прошлогодней травы.

Создавался этот единственный в Восточной Европе резерват по сохранению летучих мышей при активной поддержке и личной помощи активистов общественной организации «Ахова птушак Бацькаўшчыны».

В Беларуси создан специальный заказник «Барбастелла» для охраны летучих мышей

Студенты-биологи активно участвуют в акциях по охране летучих мышей

Не забывают защитники птиц о рукокрылых и сейчас. Благодаря поддержке АПБ выпущен буклет о заказнике, при участии ее членов создана рабочая группа, являющая на сегодняшний день основным хранитель и наблюдателем в заказнике. Силами этой группы в «Барбастелле» проведен ряд акций по укреплению дверей и переходов каземата, установке домиков, укрытий и поилок для зверьков.

Нужно знать и помнить, что в нашей стране все виды летучих мышей прямо или косвенно защищены не менее чем пятью нормативно-правовыми актами. Для сохранения видов, включенных в Красную книгу, предложены специальные меры охраны. А такие виды как европейская широкоушка и прудовая ночница имеют статус глобально угрожаемых, что придает заказнику общеевропейскую значимость. Поэтому, наряду с официальными мерами охраны, актуальны и самые разные формы экологического просвещения – ведь большинство факторов, угрожающих благополучию обитателей заказника, возникает просто по нашему незнанию.

Шлях праз Чырвоныя пяскі

Юрка Бакур | фота аўтара

Варан: Памятай, цмокі з дзіцячых казак рэальныя!

Цяжка ўявіць, што дзесьці людзі ўсё жыццё не бачаць лясоў, багнаў ці мора. Ёсць месцы на Зямлі, дзе, здаецца, жыццё знікла і выжыць чалавеку немагчыма. Такімі я раней уяўляў сабе пустыні Сярэдняй Азіі – Каракум і Кызылкум (Qizilqum) – Чорныя і Чырвоныя пяскі. Але пры больш блізкім знаёмстве ўсё аказалася не так трагічна: і тут было і ёсць жыццё.

Гэтая зямля багатая на чорнае золата, а як многія з нас ведаюць, нафта – прадукт арганічны, і ўтвараўся ён цягам эннай колькасьці гадоў з загінуўшых раслін і жывёл на дне азёр і балот. Балот? Так, верагодней за ўсё, калісьці гэтая тэрыторыя была пакрыта сусветным морам. Аб гэтым нагадвае тут усё – аднародная бедная глеба, вапняковыя ўзгоркі, разнастайныя ракавінкі ў пяску і ўвогуле ўвесь спецыфічны рэльеф падказваюць, што ты ходзіш па дне марскім, але над ім ужо даўно няма вады. Усё акіянскае багацце схавалі ў сабе тутэйшыя нетры, багатыя не толькі нафтай і газам, але і золатам, уранам, срэбрам, а вось на паверхні засталіся толькі пяскі з рэдкай расліннасцю.

Але і гэтую мясцовасць аблюбавалі жывыя істоты, не апошняе месца сярод якіх заняў чалавек.

Кудук – па-мясцоваму, калодзеж. Дакапацца да вады тут досыць складана, таму там, дзе гэта атрымалася, з даўніх часоў пасяляліся людзі, а пасяленні гэтыя часта маюць у сваёй назве і слова «кудук». Мы размясціліся ў адным з такіх Кудукаў. Некалькі крокаў убок ад дамоў – і вось яна, пустыня Кызылкум ва ўсёй сваёй дзівоснай прыгажосці. Чырвоныя пяскі хавае тонкае шэрае покрыва палыну. Дзе-нідзе можна ўбачыць хмызнякі саксаулу. Гэта дзіўнае для нас, еўрапейцаў, дрэва вельмі энергаёмістае, але не роднае для гэтых мясцін. Яно прывезена аднекуль чалавекам, але, тым не менш, ахоўваецца дзяржавай. Бо з лясамі тут цяжкавата, а дакладней, зусім ніяк.

А вось і першыя жыхары. Над узгоркам бачым сілуэт драпежнай птушкі. Канюх-курганнік! Звычайная для гэтай мясцовасці птушка. Напэўна, сярод камянёў бліжэйшага ўзгорка яна зладзіла сабе гняздо. І сапраўды, праз некаторы час мы заўважылі і другую птушку, што сядзела на гняздзе. Чынкі – улюбёнае месца для гнездавання мясцовых драпежных птушак, асабліва сакалоў. Найбуйнейшы сярод іх – сокал-балабан – быў нашай самай жаданай знаходкай, але яго мы так і не знайшлі. Затое, сярод камяністых гор бачылі гнёзды іншых цікавых птушак, такіх як сцярвятнікі, маркуты, чорныя грыфы. Апошніх часта можна было ўбачыць побач з загінуўшымі жывёламі. Для гэтых птушак смерць ператвараецца ў смачнае свята, і яны, як духі смерці, мітусяцца вакол сваёй здабычы, высока ўздымаючы галаву на доўгай, як змяя, шыі.

Але спусцімся з неба на зямлю і паразважаем, чаму гэтая мясцовасць так прываблівае крылатых драпежнікаў.

У пяску паўсюль можна бачыць норы, у якіх хаваюцца розныя незвычайныя істоты. А самыя шматлікія з іх – гэта пясчанкі, якіх часта трымаюць у клетках у якасці хатніх пітомцаў. Тут жа, у пясках, яны вольныя, дужа прыгожыя і вясёлыя. Жывуць пясчанкі невялічкімі гарадкамі-калоніямі. Заўсёды ля норак стаяць вартавыя, якія ахоўваюць мірнае жыццё ўсёй калоніі. Як толькі вартаўнікі адчуюць небяспеку, то пачынаюць бесперапынку трывожна пішчэць, і дзякуючы гэтаму ўся калонія робіцца больш пільнаю.

Суслікі – менш распаўсюджаныя звяры, чым пясчанкі, але іх таксама не праблема тут убачыць. Грызуны з рудой поўсцю і доўгім целам часта стаяць як невялічкія слупкі, трывожна аглядаючы нава-

колле. На жаль, ні пясчанак, ні суслікаў нават такія меры не бароняць ад зубоў ці кіпцюроў драпежнікаў, бо апошнія таксама не лыкам шытыя. Яны могуць гадзінамі праседзець побач з нарой якой-небудзь жывёліны, і, калі тая толькі высуне галаву, каб агледзецца, – тут жа трапіць у зубы драпежніка. Вось такое яно, жыццё ў дзікай прыродзе. Для нас, людзей, дзіўнае і прыгожае, для дзікіх жыхароў няпростае: адным трэба, каб выжыць, есці іншых, а тым неабходна пастаянна вастрыць вушкі з гэтай жа нагоды.

Жыццё пустыні ўначы выглядае чароўнай казкай. калі святло ліхтароў выхоплівае з цемры кавалак дзікіх мясцін, дзе ўвесь час з'яўляюцца розныя дзівосныя жыхары. Часцей за ўсе гэта тушканчыкі: вялікія і маленькія, з доўгімі хвосцікамі і вялікімі заднімі лапкамі, чым нагадваюць аўстралійскіх кенгуру. Яны смешна скачуць адзін за адным і не звяртаюць увагі на нашу машыну. Сустракаецца там адзін досыць вялікі тушканчык, у якога на канцы доўгага хвосціка ёсць пэндзлік. Цікава, што ён падзелены раўнютка на дзве паловы: адзін бок чорны, іншы – белы, хаця сам грызун цалкам шэры, а доўгімі вушкамі нагадвае шыншылу.

Але казка на гэтым не скончваецца. Вось удалечыні з'явілася вока-ліхтар. Яно здаецца вялізным, але пад'язджаем бліжэй, і гэта аказваецца невялічкая, з палец, яшчарка-гекон.

Разнастайныя палёўкі, хамячкі, землярыйкі, егіпецкія і еўрапейскія лелякі, што да апошняга шчыльна сядзяць на дарозе, а над імі – рой дробных насякомых... Усё гэта нагадвае сюжэт пакуль яшчэ не напісанай казкі.

Ноч – пара, безумоўна, багатая на разнастайную жыўнасць, але некаторых жывёл – напрыклад, джэйрана – прасцей убачыць днём. Джэйран – гэта газэль, нечым падобная да нашай казулі, хаця і буйнейшая за яе, з чорным загнутым угору хвастом-пэндзлікам. Нягледзячы на свае буйныя памеры і сумныя гісторыі знішчэння іншых газэляў (такіх як сайгакі) джэйраны тут адчуваюць сябе бяспечна і адносна свабодна. Справа ў насельніцтве, якое любіць прыроду, таму і паляванне ва Узбекістане зусім не распаўсюджана.

Хапае ў пустыні і драпежных звяроў. Часцей за ўсё тут можна ўбачыць чырвоную лісіцу. У выпадках мы сустракалі па 7-8, а то і па 10 лісянят. Уявіце сабе, як прыгожа выглядае, калі ўся гэтая грамада разам з бацькамі займаецца фізічнай падрыхтоўкай каля сваіх нор!

Акрамя знаёмай нам лісіцы, жыве тут яшчэ і стэпавая ліса, альбо корсак. Гэта начны звер, таму і ўбачыць яго досыць складана. Але мне пашчасціла аднойчы добра разгледзець яго і нават сфатаграфаваць. Асноўнае адрозненне ад чырвонай лісіцы – у кончыку хваста: у корсака ён чорны, а ў чырвонай лісы – белы.

Яшчэ адзін звер, якога мае сябры-французы ўвесь час называлі леапардам – гэта дзікі стэпавы кот. Па памерах ён з тую ж лісіцу, светла-рудой афарбоўкі, з тоўстым паласатым хвастом, які ён час ад часу закідвае слупікам угару.

А вось, напрыклад, сярэднеазіяцкая чарапаха. Цяжка паверыць, што жыве яна на паверхні зямлі ад сілы два месяцы. У сярэдзіне сакавіка, як прыгрэе сонца, чарапахі выпаўзаюць з глыбокіх нор і цэлымі днямі сілкуюцца маладой травой. У гэтыя дні цікава назіраць за імі ў падзорную трубу. Чарапахі, зусім як нашы кароўкі, пасуцца на зялёнай палянцы і ўвесь час ядуць-ядуць-ядуць, амаль не спыняючыся. Па начах чарапахі зноў зашываюцца ў норы. Часта можна ўбачыць вялізную чарапаху, за якой плятуцца дзве-тры-чатыры маленькія чарапашкі. Гэта не дзеці, як могуць падумаць некаторыя. Чарапахі адкладваюць яйкі ў пясок, і на гэтым іх бацькоўскія клопаты заканчваюцца. Малыя чарапашкі – гэта самцы. Яны заўсёды меншыя за самак і бегаюць за імі з самымі інтымнымі мэтамі. Зразумела, што між самцамі часта ўзнікаюць сваркі. Пераможцамі лічацца тыя, хто змог перавярнуць

Юрта. Будынак без адзінага цвіка – цёплы, утульны і экзатычны

Джэк – прыгажун пяскоў

Белахвостая пігаліца – мясцовая сваячка кнігаўкі

Пад сядлом яны ішакі, а на волі – вясёлыя oслікі

Без яркіх яшчарак-агам пустыня не была б такой цікавай

Мноства грызуноў вядзе да росту колькасці драпежнікаў

Наш сусед суслік

суперніка на спіну. З такога палажэння вельмі складана зноў устаць на ногі. Гэтыя чарапахі часта робяцца ахвярамі драпежных птушак, якія ўздымаюць іх высока-высока, а потым разбіваюць аб скалы.

...А праз два месяцы пякучае сонца знішчае ўсю жывую расліннасць на зямлі, і чарапахам тут рабіць больш няма чаго, яны зноў зарываюцца ў зямлю да наступнай вясны...

Куды ж у пустыні без яшчарак?! Гэтыя мітуслівыя хуткія істоты не любяць, калі за імі назіраюць, і імкнуцца хутчэй знікнуць прэч з вачэй. Самая распаўсюджаная з іх – гэта стэпавая агама. Дастаткова буйная, з акруглай галавой – яе лёгка адрозніць ад іншых відаў яшчарак. Самцы агамы маюць сінюю афарбоўку грудкі і горла – такое своеасаблівае шлюбнае ўбранства. І чым старэйшы самец, тым больш яркая гэтая афарбоўка. Каб паказаць самкам усю сваю прыгажосьць, самцы часта ўзбіраюцца на высокія сухія галінкі і свецяцца адтуль, быццам блакітныя ліхтарыкі, пакуль імі не зацікавіцца самка. Цікава паназіраць і за іх шлюбнымі гульнямі, калі самец то апускаецца, то ўздымаецца на пярэдніх лапках, паказваючы сваю сінюю грудку. Увесь гэты працэс нагадвае звыклае нам па ўроках фізкультуры адцісканне.

Яшчэ адна дзівосная яшчарка гэтай пустыні – шэры варан. Гэта найбуйнейшая яшчарка ўсяго былога Савецкага Саюза. Глядзіш на яе і думаеш: ці то яна паходзіць ад драконаў, ці то казачныя цмокі паходзяць ад яе. Доўгі масіўны хвост, кіпцюры на лапках амаль нічым не адрозніваюцца ад арліных, вялікая змяіная галава, доўгі раздвоены на канцы язык – здаецца, што перад табой не яшчарка, а сапраўдны яшчарцмок. Больш таго, калі ты яму не спадабаешся (а не падабаюцца яму амаль усе), цмок пачынае шыпець і надувацца, як паветраны шар, робячыся ў два разы большым, і страшна высоўвае свой доўгі язык. А галоўнае – хвост. Варан, карыстаючыся хвастом як бізуном, забівае сваю здабычу. Удар хвастом настолькі моцны, хуткі і пякучы, што не пашанцуе не толькі зайчыку, але і буйной жывёліне.

Пустыня! Колькі цудаў захоўвае гэтая зусім голая зямля. Хіба не цуд убачыць на зусім голым яшчэ ўчора месцы купінку чырвоных цюльпанаў? А яшчэ праз месяц гэтае месца зноў пачырванее – ужо ад макаў. Квітней, пустыня, квітней! Хай увесь час гучыць звонкая песня неўтаймоўных жаўрукоў над тваімі прасторамі!

А жаўрукоў тут, вядома, шмат. Гэта і стэпавыя, і двухплямістыя, і шэрыя, і малыя, а калі пашанцуе, то можна ўбачыць нават чорных і белакрылых жаўрукоў. Птушынае багацце, вядома ж, не абмяжоўваецца жаўрукамі. Чародкі чорнабрухіх рабкоў сваім фырканнем дадаюць адмысловыя ноты ў тутэйшую музыку. Глабальна знікаючыя крэчаткі, чароды стэпавых жураваў, белахвостыя пігаліцы, розныя грычуны, але, безумоўна, галоўная птушка гэтых мясцін – джэк, альбо па-руску, – «дрофа-красотка».

Джэк нечым нагадвае хатняга індыка. Такіх жа памераў, стракатай пясчана-чорнай афарбоўкі, з доўгай шыяй і моцнымі нагамі. Джэкі рэдка ўзлятаюць, звычайна толькі каб уцячы ад ворагаў. Самцы гэтых птушак вельмі прыгожыя, а яшчэ прыгажэйшыя іх танцы. Каб спадабацца самачцы, самцы прылятаюць з выраю раней за іх, займаюць лепшыя на іх погляд узгоркі, з якіх можна будзе ва ўсёй прыгажосці паказаць свае маладзецкія здольнасці. А здольнасці гэтыя ў джэкаў, як і ў многіх іншых птушак, выяўляюцца ў танцах. Самцы ўздымаюць сваё белае грудное пер'е ўгару, робячыся вялікімі пухнатымі шарамі, і бегаюць на сваім бугры па крузе. З першага погляду нават і не скажаш, што гэта птушка, калі не ведаеш яе паводзін. І так кожныя раніцу і вечар самцы танцуюць, пакуль не даб'юцца сэрца самкі.

Але, нягледзячы на ўсё гэтае хараство і незвычайнасць, думкі часта прыводзяць мяне на радзіму. Упэўнены, што беларуская зямля не менш унікальная і прыгожая, чым пустыня Кызылкум, для людзей, якія тут жывуць. За тры месяцы сто разоў засумуеш па беларускіх лясах і балотах, калі зазначыш, што не ўбачыш беларускай вясны, поўнай свежых зялёных фарбаў і першакветаў. Упэўнены, пра гэта я яшчэ напішу сваю лепшую кнігу.

Моя очередная «первая любовь»

Дмитрий Якубович | Фото автора

У природы нет плохой погоды, равно как и поры года. Для меня давно уже не важно, что творится за окном: кружит красавица метель, беспощадно жжет июльское солнце, облетает в ноябрьском тумане последняя листва, или же кругом бурлят ручьи и отовсюду льются трели жаворонков. В каждом дне года есть своя изюминка и неподражаемая прелесть. Но все же май – месяц наибольших надежд. Уже третий год подряд мне удается вырваться в отпуск именно в это время и уехать подальше от шумного города в тихую деревушку на берегу любимого Немана.

И вот я на месте. Птицы всюду. На краю леса мельтешат коньки, зарянки, славки и пеночки, на реке можно поснимать водоплавающих и куликов, на лугах – жаворонков, чеканов и других птиц... Но время не стоит на месте. Отпуск скоротечен, и необходимо скорее определиться с местом и моделями. Последних, конечно, в достатке. Но душа требует чего-то особенного, не определенного, для себя еще не изведанного. И вот так ходил я от рассвета до заката в поисках скрытого смысла, пока не вышел на его след...

«Кукуя целыми часами, все вкусно даже с волосами»

В один из дней, спрятавшись за куст, я наблюдал за луговыми чеканами. Неожиданно вблизи, над самой землей, мелькнул силуэт птицы, похожей на сокола. Конечно же, я узнал в этой птице кукушку. Нынешней весной их было довольно много, о чем свидетельствовало многоголосое «ку-ку», доносящееся со всех сторон. Вот, долетев до ближайших зарослей сосенок, «моя» птица уселась на одно из деревьев. Скрываясь за небольшими пригорочками и высокой прошлогодней травой, я смог подкрасться к кукушке метров на 20 и сделать несколько кадров. Снимки, конечно, получились далекими от идеала, но сам объект, впечатленный на них, влюбил в себя с первого взгляда.

Все остальные пернатые отошли на задний план, и я решил всерьез взяться за птиц, о которых не знал почти ничего. Сначала это казалось невыполнимой задачей: кукушки держались в кронах высоких деревьев и кустарников и постоянно перелетали с места на место. Однако ежедневные утренние наблюдения за поведением кукующих пернатых все же привели меня к их тайному месту: не замеченной ранее большой поляне, окруженной с одной стороны рекой, а с других – деревьями. В центре поляны была пара сухих кустов. Именно здесь мне несколько раз удалось заметить сидящую невысоко над землей кукушку. Застыв на сухой ветке на несколько минут, птица вдруг резко срывалась вниз и, схватив что-то с земли, возвращалась обратно. Шикарное место! Низкие присады позволят фотографировать птиц с земли практически на уровне глаз, на заднем плане будут темные деревья с молодой листвой, а

река с восточной стороны откроет путь для утренних лучиков солнца. Нечего думать, строю шалаш здесь!

И вот он, долгожданный рассвет первого дня съемки. Приятно щекочут лицо травинки, торчащие из стен моего тесного укрытия. Будоражит запах черемухи и майский «грохот» птичьей полифонии. Но сейчас меня интересует лишь одно. То, что не выходит из головы уже несколько дней. То, что накануне я видел в бинокль. А все, что я могу теперь сделать для осуществления желаемого, это лишь скрасить напряженное ожидание воспоминаниями и надеждами. Вот только почему меня так трясет? Совсем ведь не холодно! Не стоит так тревожиться, ведь все так прекрасно: май, отличная погода, впереди весь отпуск – расслабься и просто наслаждайся происходящим... Так ведь нет! Не освободиться от тех чар, которые наложила на тебя страсть. Все мысли и мечты сейчас едины – хоть на секундочку... хоть один кадр... Время тянется бесконечно долго. А кукушки все нет.

И вдруг, в очередной раз взглянув сквозь отверстие в скрадке на ветку, замечаешь на ней ту желанную, о которой мечтал уже, кажется, всегда. Совершенно не зная, чего ждать от птицы, ты просто боишься пошевелиться. Вот она, всего в нескольких метрах от тебя. Кажется, что кукушка не сводит с тебя своих настороженных оранжевых глаз и вот-вот улетит.

Нервы на пределе. Подсознание орет: «Давай!» И вот я набираюсь смелости, очень медленно ловлю объект в видоискатель и делаю кадр. Второй. На одиночный хлопок зеркала кукушка не реагирует – значит, можно пробовать серию. Птица настораживается. Делаю короткую паузу и очень бегло просматриваю полученные фотографии. Сплошное «мыло»! Естественно! От волнения так трясутся руки, что не помогает и штатив, а выдержка еще очень длинная, ведь солнышко едва оторвалось от горизонта. Но тут кукушка «падает» на землю и взлетает обратно с гусеницей в клюве.

Ну вот и отлично: птица ни о чем не подозревает. Это бы-

стро успокаивает, и ты просто начинаешь снимать. А в последующие дни все еще больше упрощается.

И только потом ты понимаешь, что тот «первый страх» испугать птицу – вовсе не страх, а самый пик экстаза фотоохоты, и то, что раньше казалось непреодолимой сложностью, теперь уже вспоминается как самое счастливое время ушедшей весны.

«Куковать нельзя в дуэт – накукуем много лет!»

После прилета каждый самец кукушки занимает свой участок, активно вокализирует и яростно изгоняет конкурентов, случайно залетевших к нему «в гости». В таких случаях хозяин всегда прав и всегда сильнее. А что же происходит на границе таких территорий? Два самца могут куковать на расстоянии 100 метров друг от друга часами. Но вот когда одному из них надоедает однообразие, а весенние чувства вскипают внутри, он направляется в сторону соседа. Садится на открытом месте и начинает еще активнее подавать голос. Соседняя птица замолкает, затем взлетает и садится рядом.

Если в это время находиться вблизи, то можно услышать столь странные звуки, что никогда бы не сказал, какая птица их издает. Свист, визг, бульканье – что угодно, но не привычное «ку-ку». Возбужденные кукушки не узнаваемы не только по голосу, но и по поведению. Провоцировавшая птица не двигается, будто чувствует себя виноватой, а вот прилетевшая ведет себя в роли хозяина. Перелетает ближе и ближе и, наконец, бросается с громким верещанием на «врага». Последний в это же мгновение слетает с ветки и поспешно удаляется, гонимый соседом, в сторону своего «царства». Вторая кукушка стремительно возвращается назад, и опять продолжается громкая монотонная перекличка враждующих сторон. Казалось бы, что в этом особенного? Банальное нарушение территории. Но спустя некоторое время все повторяется вновь, с точностью до наоборот. На то же дерево уже прилетает якобы хозяин. Но вдруг эта птица теряет уверенность, при появлении другого самца застенчиво застывает на ветке, а вскоре также улепетывает «к себе» от яростных криков и раскрытого клюва разгневанного соседа. И так за утро несколько раз: кто первый – тот и гость!

А вот однажды птицы слетелись к границе как-то постепенно, дерзкого однозначного вторжения, как в прошлые разы, не произошло. Долго перекрикивая друг друга, кукушки одновременно подлетели к рубежу своих «королевств». Кто хозяин, кто гость? Тут уже пришлось выяснять этот вопрос силой. С широко раскрытыми клювами они кинулись друг на друга и сцепились в воздухе.

Полетели перья, с задеваемых крыльями сухих веток ольхи посыпались шишечки. Движения дерущихся птиц были настолько быстрыми и резкими, что разобрать что-либо в этой кутерьме было невозможно.

Однако кукушки быстро расцепились, немного погонялись друг за другом и разлетелись опять, каждая в свою сторону, чтобы где-то, сидя на дереве, громко заявлять о своем превосходстве.

Я же, уже оправившись от эйфории первого дня съемки, уверенной рукой нажимал и нажимал кнопку фотоаппарата…

Арніталагічныя калекцыі Канстанціна Тызенгаўза

доктар Юзаф Зямчонак (Варшава)

Герб Тызенгаўзаў «Буйвал»

Сёлета мы адзначаем юбілей – 225 год з нараджэння Канстанціна Тызенгаўза, славутага даследчыка фаўны XIX ст., стваральніка ў нашай краіне новай галіны сярод навук аб прыродзе – арніталогіі, а таксама заснавальніка музеяў натуральнай гісторыі. Меў ён таксама славу і шчодрага фундатара-мецэната, і руплівага магната-гаспадарніка. Першы на беларуска-літоўска-польскім сумежжы культур вучоны-арнітолаг быў прадстаўніком старажытнага рыцарскага роду фон Тызенгаўзенаў, які паходзіў з Гальштыніі (славянскага анклаву ў паўночнай Германіі), а менавіта са сталіцы даўняга Ганзейскага Звязу, Горада Сямі Вежаў – славутай Любекі. Продкі навукоўца былі рыцарамі-крыжакамі; Энгельбрэхт і Тэадорык Тызенгаўзены між іншым закладалі ў XII ст. на Балтыйскім узбярэжжы колішняга мора Вікінгаў горад Рыгу.

Канстанцін Тызенгаўз (1786-1853) – граф герба «Bawół» (Буйвал), на якім адлюстравана выява магутнага быка – ці то зубра, найбуйнейшай жывёліны кантынентальнай Еўропы, ці то тура – жывёлы, вымершай некалькі сот гадоў таму назад. Тызенгаўз быў волатам у сваіх дасягненнях, сапраўдным чалавекам Рэнесансу – усебакова адораным геніем, як сцвярджаў яго першы біёграф, сучаснік і калега прафесар А. Адамовіч. Малады магнат быў выпускніком Віленскага ўніверсітэта – адной з найлепшых і найбуйнейшых еўрапейскіх навучальных устаноў таго часу. Па дадзеных французскага даследчыка Даніэля Беавуа, у 1830 г. віленская alma mater мела 1300 студэнтаў а, напрыклад, Оксфардскі ўніверсітэт – усяго 400.

Партрэт Канстанціна Тызенгаўза з гравюры Грэнье

Сярод сямейных рэзідэнцый – Альт Ласэн (цяпер Ласміжа ў Латвіі), Ракішкі (цяпер Рокішкіс) у Літве, Камаі і Жалудок (цяпер аднайменныя паселішчы ў Беларусі) – граф аддаў перавагу радавому пастаўскаму маёнтку, які раскінуўся на ўзбярэжжах трох азёр і ракі Мядзелкі. Пасяліўшыся там у 1814 годзе, былы палкоўнік войскаў Вялікага княства Літоўскага ў складзе армій Напалеона Тызенгаўз самааддана заняўся фаўністыкай, найбольшую ўвагу прысвячаючы птушкам. Менавіта тут, у сваім раскошным палацы, дабудаваным ім у стылі класіцызму, ён захоўваў унікальныя заалагічныя зборы, якія налічвалі каля 3000 асобнікаў. Паступова калекцыяператварылася са сціплага збору мясцовых відаў у рабочым кабінеце даследчыка ў адзін з найбуйнейшых музеяў у Еўропе, які прадстаўляў птушак з усіх кантынентаў і большасці краін свету. Менавіта багатыя ўласныя зборы дапамаглі Канстанціну Тызенгаўзу ў напісанні кніг: спачатку ў 1841 г. выйшлі «Асновы арніталогіі, навукі аб птушках», а потым, у 1843-46 гг. трохтомная «Агульная арніталогія, альбо апісанне птушак усіх частак свету».

Тут жа, у Паставах, знаходзілася і вялізная бібліятэка, дзе, па сведчанні А. Вагі, меліся «скарбы, якіх ніколі не было ў Польшчы»: працы Буфона; твор Адзюбона з выявамі амерыканскіх птушак, які тады быў нетанны, а цяпер з'яўляецца самай дарагой кнігай у свеце; выдатныя манаграфіі Гоўлда; вялікія і каштоўныя альбомы англійскіх, французскіх і нямецкіх арнітолагаў – выданні, даступныя толькі вельмі багатым людзям. Калекцыя кніг не саступала бібліятэкам буйных гарадоў. А ўласна пастаўскае мястэчка над Мядзелкай, дзе адбываліся шматлікія навуковыя канферэнцыі, аспрэчвала першынство з Вільняй у вывучэнні прыроды федэратыўнай рэспублікі Вялікага Княства і Польскага Каралеўства – Рэчы Паспалітай. Сябар Канстанціна Тызенгаўза Антоні Вага сцвярджаў: *«Што ў іншых краях прафесары навучальных устаноў, прызваныя ўрадам на свае кафедры, стварылі доўгай і мазольнай працай, тое апантаны грамадзянін у ваколіцах, далёкіх ад сталічных гарадоў, аддадзены вясковай гаспадарцы, талентам і добрай воляй адораны, стварыў у адну хвіліну. Вось ужо карысць з любячых навуку!»*

К. Тызенгаўз выказваўся, што прырода так справядліва падзяліла свае дары, што і тутэйшыя ваколіцы маюць чым

Пастаўскі палац, дзе захоўваліся калекцыі Тызенгауза. Фота Дзмітрыя Вінчэўскага

Птушка-насарог

Калекцыя райскіх птушак

Некаторыя экспанаты з калекцыі К.Тызенгаўза. Цяпер – у заалагічным музеі Віленскага ўніверсітэта. Фота Юзафа Зямчонка

ганарыцца і зачароўваць. *«Хіба наш сіваграк ў пагодны дзень, пералятаючы ад дрэва да дрэва, прамільгнуўшы лазуракам, не з'яўляецца каУанай? [Кауана – птушка з Паўднёвай Амерыкі, ярка-салатаватага або лазурнага апярэння]. Нашы дзятлы не саступяць папугаям, аб качках я і не кажу, бо ведаю мясцовую разнастайнасць, якая пераўзыходзіць амерыканскую або кітайскую. Адзін з рэдкіх відаў – зімародак – пралятаючы над водамі, стварае ўражанне не меншае, чым самая маляўнічая замежная птушка. А спявун гаёў, любімы салавей, нічога падобнага якому не маюць краі, спешчаныя сонцам, не выклікае замілаванне? Здаецца мне, што нават пасля смерці самым мілым майму праху быў бы адпачынак у ваколіцы, дзе кожную вясну разносіўся б яго голас».*

Пастаўскі заалагічны музей пасля смерці стваральніка ў 1856 г. быў перададзены праз яго сына Райнольда Тызенгаўза Віленскай археаграфічнай камісіі. Ён утрымліваў 1828 арніталагічных экспанатаў, у тым ліку 1203 пудзілы птушак і 625 птушыных яек. Па дадзеных гісторыка Адама Кіркора, ў 1859 г. гэта калекцыя налічвала 1093 экспанаты птушак і 563 яйкі 252 відаў.

А. Кіркор у 1859 г. у «Вандроўках па Вільні і яе ваколіцах» апісаў арніталагічную калекцыю К. Тызенгаўза, перавезеную з Пастаў. *«...Это всё сегодня является общественной собственностью. Не можем вдоволь нарадоваться созерцанием молодёжи – учеников гимназий и института, а часто и студентов университета, приезжающих с книжками и ходящими около шкафов кабинета или объясняющих непосвященным значение длинных ног либо искривленного клюва птиц. Кто не слышал о райских птицах? Здесь можно увидеть большую райскую птицу родом из Новой Гвинеи, это о ней сложено больше всего сказок; красную райскую птицу. Описать красоту их невозможно: как не сумел запечатлеть прелести Елены Прекрасной в своей «Илиаде» Гомер, описывавший, как 10 лет воевали из-за нее греки с троянцами!»* – у захапленні пісаў аўтар.

У нашы дні рэшткі былога Пастаўскага заалагічнага музея знаходзяцца ў Вільні і Ракішках і ўтрымліваюць 770 экспанатаў. Каля 300 з іх размешчаны ў заалагічным музеі Віленскага ўніверсітэта. У Беларусі калекцыя лічылася страчанай назаўсёды і ўспрымалася як нешта кніжна-манументальнае. З заміраннем сэрца я разглядаў у свой час дзівосных птушак з усяго свету, сабраных знакамітым навукоўцам і адфатаграфаваў там каляровую фотастужку. Райскія птушкі і венцаносны голуб з Новай Гвінеі, какаду з Аўстраліі і жоўтачубны папугай; птушка-насарог з Афрыкі, і некалькі відаў калібры, (50 экзэмпляраў, іх калекцыя была самай вялікай у Савецкім Саюзе), залаты фазан, аргус, вандроўны альбатрос, белая сава, птушка-сакратар і многія іншыя айчынныя і экзатычныя птушкі радавалі вока. Па словах цяперашняга дырэктара музея Віленскага ўніверсітэта Грыты Скуене, калекцыя яек знаходзіцца ў Дарвінаўскім музеі Масквы. Там, верагодна, захоўваецца і частка іншых збораў.

Прафесар С.Гурскі назваў у гонар вялікага навукоўца род мух, які ўтрымлівае ўсяго адзін від - *Tyzenhausia vespiformis* і два віды водных раслін: *Chara tyzenhausii* (хара ніцепадобная) і *Potamogeton tyzenhauzii* (рдэст Тызенгаўза)

Спадчынай нашага славутага земляка Канстанціна Тызенгаўза ўсё часцей і глыбей пачынаюць цікавіцца не толькі даследчыкі прыроды, але і шырокія колы прыхільнікаў беларускай культуры.

Як адзін з доказаў гэтаму – апошнія навіны з Пастаў, дзе ўжо ў гэтым годзе можа распачацца рэстаўрацыя былога палаца Тызенгаўзаў, у якім цяпер знаходзіцца адзін з карпусоў раённай бальніцы.

Помнік навукоўцу ля сцен Пастаўскага палаца. Фота Дзмітрыя Вінчэўскага

Птицы Полесского радиационного заповедника

Валерий Юрко | научный сотрудник Полесского государственного радиационно-экологического заповедника

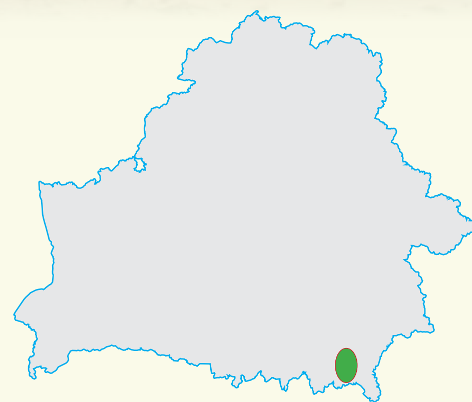
Фото автора

Песчаные дюны около бывшей деревни Красноселье

В Беларуси, пожалуй, не найдется человека, который бы не знал о произошедшей катастрофе на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 году. Из-за выброса большого количества радиоактивных изотопов и загрязнения ими окрестностей, 30-километровая территория вокруг ЧАЭС превратилась в зону отселения и отчуждения для людей – здесь нельзя находиться длительное время. Однако не все знают, что на этой территории в 1988 году в Беларуси был создан Полесский государственный радиационно-экологический заповедник (ПГРЭЗ). Его площадь составляет 2162 км^2, а периметр – около 300 км. Статус заповедника указывает на высшую форму охраны природы, здесь запрещается всякая хозяйственная деятельность и хозяйкой является лишь Природа.

Территория заповедника равнинная, сильно заболочена. Основной водной артерией служит река Припять, пересекающая заповедник с северо-запада на юго-восток. Долина реки общей протяженностью около 100 км широкая, ширина поймы на различных участках достигает 9 км. Русло реки сильноизвилистое, образует много рукавов и озер. Важнейшими притоками Припяти в заповеднике являются реки Словечна, Брагинка, Вить, Желонь, Несвич. Больших и малых старичных озер насчитывается более 300. Крупнейшие из них – Вьюры, Гнездное, Купальница, Немецкое, Персток Староселье, Смолище, Семенница и другие. Только некоторые из озер имеют глубину до 10 м, абсолютное же большинство мелководно, и летом, в межень, пересыхают. Низинные болота занимают площадь 84 км^2. Верховые болота невелики по площади.

Долина реки Припять окаймлена песчаными грядами и дюнами высотой до 20 м и протяженностью до 1 км. Песчаная поверхность дюн в отдельных местах напоминает среднеазиатскую пустыню. Эти голые пески увеличивают ландшафтное разнообразие, повышая тем самым разнообразие флоры и фауны. Из птиц в таких биотопах любит селиться теперь уже редкая в Беларуси птица – полевой конек.

BirdLife IBA ТЭРЫТОРЫЯ ВАЖНАЯ ДЛЯ ПТУШАК

Большая часть территории заповедника покрыта лесами (1104 км^2). В целом преобладают сосняки, но есть и черноольховые леса, березняки, осинники и дубравы. Северо-восточная сторона ПГРЭЗ представлена, в основном, заброшенными полями и деградирующими польдерами (участками поймы, отгороженными от реки).

На территории ПГРЭЗ отмечено 214 видов птиц, из которых гнездятся 172, что составляет более 75 % от гнездящихся птиц Беларуси.

Такие лесные виды как канюк, вяхирь, вальдшнеп, кукушка, серая неясыть, козодой, вертишейка, три вида пестрых дятлов (большой, средний и малый) на территории заповедника обычны. Пустующие деревни стали «местом прописки» для филина, серой неясыти, удода, черного и певчего дроздов и других птиц. Филин гнездится, как правило, на чердаках, спасаясь тем самым от хищных зверей и кабанов. Серая неясыть облюбовала дымоходы, куда не может добраться куница. Удоды в оставленных деревнях гнездятся в разного рода пустотах, а дрозды внутри помещений устраивают свои гнезда на балках, в нишах и других местах.

Из водно-болотных птиц многочисленны в заповеднике кряква, чирок-трескунок, погоныш, камышница, чибис, бекас, белокрылая крачка, дроздовидная камышевка и другие виды. В свое время с целью предотвращения поступления радиоактивных изотопов в Припять, многие мелиоративные каналы были перекрыты, что привело к заболачиванию значительных площадей. Это способствовало увеличению численности водоплавающих птиц и появлению на гнездовании новых видов. Стала обычной здесь большая белая цапля, совсем недавно появилась одна из красивейших цапель – кваква. Пока только на территории затоплений и в непосредственной близости от них обитает лебедь-кликун, исконно лесотундровый вид. Эти птицы начали гнездиться в Беларуси в начале нынешнего столетия и, по-видимому, основная часть белорусской популяции сосредоточена именно здесь. Поздней осенью 2007 года, перед отлетом на Брагинском участке заповедника скопилось около 60 кликунов! Лебедь-шипун встречается в заповеднике только на пролете. Казалось бы, для его обитания здесь достаточно пригодных водоемов, однако, по-видимому, он не выдерживает конкуренции с более агрессивным собратом.

Еще обычны здесь перепел, коростель, полевой жаворонок, береговая ласточка и другие. А вот серая куропатка с прекращением хозяйственной деятельности резко сократила численность. И держится, в основном, у северных границ заповедника, где налажено сельскохозяйственное производство. С уходом людей покинули эту территорию белый аист, галка, грач, домовый воро-

Черный аист *(Ciconia nigra)*

Филин *(Bubo bubo)*

Хохлатый жаворонок (*Galerida cristata)*

Молодой орлан-белохвост *(Haliaeetus albicilla)*

Лебеди-кликуны *(Cygnus cygnus)* (взрослый и два молодых)

Самец обыкновенной пустельги *(Falco tinnunculus)*

бей. Их можно встретить лишь в приграничных населенных пунктах. Деревенская ласточка, горихвостка-чернушка и каменка еще довольно обычны, так как им для гнездования нужны различного рода постройки. Однако в связи с разрушением домов и зарастанием дворовых участков их численность постепенно сокращается. Пытается остаться в пойме р. Припять и белый аист, но из-за хищничества орлана-белохвоста, который здесь обычен, аистам это пока не удается.

ПГРЭЗ имеет исключительно важное значение для птиц, которые мигрируют через этот регион, особенно для водно-болотных видов. Поэтому на территории заповедника была образована Территория важная для птиц (ТВП) международного значения «Нижняя Припять». Мигранты иногда задерживаются здесь на две-три недели. Весной 2006 года численность белолобых гусей за 6 дней наблюдений составила 7–10 тысяч. В середине апреля приходилось видеть, как на зарастающих польдерах южнее б. н. п. Бабчин скаплиs\вались на ночевку 1,5–2 тысячи серых гусей.

На Погонянском затоплении за четыре часа учетов пролетело 2,5–3 тыс. особей связи и около 1,5 тысяч уток других видов. На р. Припять в начале мая в западном направлении можно наблюдать за день 2–5 тысяч белокрылых крачек, около 1000 черных крачек. На участке поймы от б. н. п. Оревичи до б. н. п. Ломачи (26 км) отдыхали и кормились 3000 турухтанов. В тростниках и околоводных кустарниках в начале мая скапливаются десятки, а иногда и сотни тысяч особей камышевок и овсянок.

В ПГРЭЗ отмечено 58 видов птиц, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь. Среди них: белоглазая чернеть, большой подорлик, беркут, кобчик, авдотка, сизоворонка. В заповеднике (как нигде в Беларуси, а возможно, и в Европе) высока плотность гнездования орлана-белохвоста. Здесь гнездится 10–15 пар, а общая численность вида достигает 100 особей. Средняя величина выводка у орланов ПГРЭЗ за 2007-2008 гг. составила 1,7 птенца (по 7 гнездам). Отсюда молодые орланы расселяются на другие пригодные для их обитания территории. Уместно отметить, что высокая численность и успех размножения орланов-белохвостов связаны с хорошей кормовой базой, особенно в зимний период. Зимой волки, в основном, питаются мясом убитых ими копытных. Часть добычи волков достается и орланам.

Численность большого подорлика оценивается в 3–5 гнездящихся пар. Коростель в заповеднике обычный, в отдельные годы многочисленный гнездящийся вид. По годам его плотность колеблется от 5,3 до 15,8 пары/км2. Старые и молодые беркуты встречаются в заповеднике зимой и в ранневесенний период. Здесь обычны большая белая цапля (15–20 гнездящихся пар), большая выпь (более 50 пар), черный аист (20–30 пар), малый подорлик (более 20 пар), малый погоныш (более 100 пар), серый журавль (30–50 пар), гнездится более 50 пар малой и белощекой крачек, золотистой щурки и обыкновенного зимородка, более 100 пар мухоловки-белошейки и садовой овсянки. Только за последние пять лет в заповеднике стали гнездиться и бородатая неясыть, и куликмородунка, и усатая синица, и другие редкие виды птиц.

Оценивая восстановление природных экосистем в заповеднике за последние 25 лет с момента аварии, даже без глубокого анализа приходишь к выводу: если не вмешиваться в природные процессы, с любой напастью природа справится сама. Чем не повод для размышлений, чем не урок для других особо охраняемых природных территорий, расположенных в незагрязненных радионуклидами местах?!

Усатых синиц, благодаря их доверчивости, несложно снимать с подхода. Но результат практически всегда оставляет желать лучшего: то свет не тот, то тростинка помешала... Да и в присутствии человека птицы ведут себя не совсем естественно. Вот я и решил, что командовать парадом должен я! Поэтому большую часть времени я посвятил не скрадыванию пернатых по тростникам, а именно выбору места для съёмки. Чтобы свет, фон и расположение птицы в кадре было не случайным, а таким, каким я его хотел видеть.

Уладар трысняговых нетраў (Другое месца ў фотаконкурсе «Птушка ў аб'ектыве – 2010») Вусатая сініца *Panurus biarmicus*. Фота Дзмітрыя Якубовіча

Этот кадр – одна из воплощённых идей. Давно задумала я подловить момент драки между серыми цаплями. С тех пор и охотилась именно на него. Однако то свет не тот был, то птицы не стремились повернуться под нужным для фотографа углом, да и сами драки не столь часты. Обнаружив место, куда поутру частенько прилетали на рыбалку серые цапли, более месяца ежедневно ожидала я задуманный сюжет. Однажды все необходимые условия совпали, и повздорившие из-за рыбы птицы попали в кадр.

Сварка (Трэцяе месца ў фотаконкурсе «Птушка ў аб'ектыве – 2010») Шэрыя чаплі *Ardea cinerea*. Фота Таццяны Раманавай

Птушкі на беларускіх манетах

Нацыянальная кампанія «Птушка года», якую АПБ праводзіць пачынаючы з пачатку тысячагоддзя, была ўвекавечана не толькі ў марках, з якімі мы знаёміліся ў мінулы раз, але і ў памятных манетах, выпушчаных Нацыянальным банкам Рэспублікі Беларусь. Дзякуючы намаганням і кансультацыйнай падтрымцы спецыялістаў АПБ у свет выйшлі манеты, прысвечаныя птушкам 2007–2010 гг., а менавіта: салаўю, вялікай белай чаплі, шэрай гусі і сокалу-пустальзе.

Птушкі знайшлі адлюстраванне і ў серыі памятных манет, прысвечаных нацыянальным паркам Беларусі. Былі выпушчаны манеты з выявамі лебедзя-шыпуна як сімвала нацыянальнага парка «Нарачанскі», чайкі-клыгуна і шэрага жорава, сімвалізуючых адпаведна нацыянальныя паркі «Браслаўскія азёры» і «Прыпяцкі».

І нарэшце, у серыі «Ахова навакольнага асяроддзя» выйшлі манеты з выявамі пугача, двух пугачоў, белага бусла і сокала-падарожніка.

Трэба адзначыць, што ўсе гэтыя манеты рознай вартасці, адчаканеныя з медна-нікелевага сплаву, срэбра і золата невялікімі тыражамі, імгненна разышліся па калекцыях і зараз з'яўляюцца рарытэтамі.

Птушка года

Нацыянальныя паркі

Ахова асяроддзя

